

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Ван И. Эволюция международного дискурсивного влияния Китая и его роль в современном мире //

Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.76726 EDN: ZTJGUV URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76726

Эволюция международного дискурсивного влияния Китая и его роль в современном мире

Ван Ин

ORCID: 0009-0002-6230-3392

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042238176@pfur.ru

[Статья из рубрики "МИРОВАЯ ПОЛИТИКА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.76726

EDN:

ZTJGUV

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является процесс эволюции международного дискурсивного влияния Китая в XXI веке, особенно то, как Китай формирует свое глобальное влияние через многоуровневые стратегии в политической, экономической и культурной сферах. В статье подробно анализируется формирование и развитие китайского международного дискурса, включая его политические и идеологические основы, а также практическое применение в глобальном управлении. Исследование рассматривает, как Китай расширяет свою международную дискурсивную силу через усиление внешних дискурсивных инициатив, продвижение культурной и гуманитарной дипломатии, а также создание многосторонних международных платформ для диалога. Кроме того, исследуется, как Китай, вырабатывая новые международные нормы и стандарты, бросает вызов традиционному западному доминированию в международном порядке и активно продвигает свою национальную нарративу на глобальной арене. Методология исследования использует комплексный междисциплинарный подход, включающий кейс-стадии и сравнительный анализ, с опорой на теории политологии,

международных отношений и дискурс-анализа. С помощью этих методов исследуется, как Китай использует международную дискурсивную силу для формирования своего глобального влияния. Инновационные моменты данной работы заключаются в первом всестороннем анализе концепта «международной дискурсивной силы» и его институционализации в китайской внешней политике, а также в изучении того, как Китай использует различные стратегии для формирования своего глобального влияния. В частности, работа анализирует конкретные примеры, такие как иранская ядерная проблема и вопросы на Корейском полуострове, в которых Китай применяет свою дискурсивную силу. Сравнительный анализ с западной концепцией «мягкой силы» подчеркивает уникальный путь Китая в глобальном управлении, основанный на продвижении собственных нарративов и создании альтернативных площадок для международного диалога. Кроме того, статья утверждает, что в условиях обострения стратегической конкуренции между великими державами, «борьба нарративов» становится важным фактором формирования мирового порядка, предлагая новый взгляд на международные отношения.

Ключевые слова:

Китай, Международное дискурсивное влияние, Многоуровневые стратегии, Культурная дипломатия, Новые международные нормы, Борьба нарративов, Глобальное управление, Дискурс-анализ, Западное доминирование, Международный порядок

Введение

В последние десятилетия мир становится свидетелем перехода к новой конфигурации глобального баланса сил. Китайская Народная Республика, теперь играющая роль второй экономики мира и одного из ведущих центров мировой политики, все активнее стремится не только укреплять свою материальную мощь, но и расширять инструменты влияния за счет так называемой «дискурсивной силы» — права создавать, продвигать и утверждать собственные глобальные нарративы, встраивать китайские нормы, понятия и стандарты в систему международных отношений. В условиях ренессанса великодержавного соперничества, где доминирование США и их союзников вызывает все больше вызовов, КНР видит в наращивании дискурсивной силы неотъемлемое условие обеспечения своих национальных интересов, а также требование соответствовать возросшему экономическому и политическому статусу страны.

Концепт международной дискурсивной силы в китайском контексте означает не только увеличение веса собственного «голоса» на международных площадках, но и способность формировать благоприятную для страны внешнюю среду, создавать привлекательный образ Китая, внедрять в мировое сообщество китайские ценностные установки и стандарты, а также системно противодействовать западной дискурсивной гегемонии, сложившейся за столетия колониализма, мировых войн, Холодной войны и глобализации по-американски.

История становления и эволюции этой стратегии, ее теоретическая рефлексия и практические результаты требуют тщательного рассмотрения. Особое значение приобретают такие аспекты, как поиски КНР собственного пути к построению мощной системы нарратива, продвижение китайских инициатив (например, «Один пояс — один путь» и «Сообщество единой судьбы человечества»), а также поворот к активному использованию гуманитарных, культурных, информационных и институциональных

рычагов в мировой политике.

Генезис концепта международной дискурсивной силы в Китае

Идея о стратегической важности обладания «дискурсивной силой» стала одной из ключевых тем китайских политических и академических кругов во второй половине 2000-х годов. Однако импульс к всесторонней разработке и реализации этой идеи возник после XVIII съезда КПК (2012), когда к руководству страной пришёл Си Цзиньпин. В его доктринах, общественных выступлениях и макро-курсе на «национальное возрождение» («Китайская мечта») концепции культурной, ценностной, публичной и институциональной силы оказываются в центре внешнеполитической стратегии^[1].

К 2010-м в Китае нарастало понимание, что материальный рост и статус основной фабрики мира не «автоматически» приносят стране глобальной легитимности и права определять правила для других. Анализируя причины сохраняющейся доминанты западных стран в глобальной политике, китайские мыслители пришли к выводу: за спектаклем глобализации, формальной многосторонностью и международными институтами скрывается западная дискурсивная гегемония. Американские и европейские ценности преподносятся как универсальные, нарративы и понятийные категории вырабатываются и легитимируются на Западе, международные медиа, рейтинги, системы образования и политики стандартов подчинены интересам прежних центров силы^[2].

В ответ на это Китай начал активно прорабатывать собственные понятийные системы, разрабатывать концепты мягкой и нормативной силы, а также продвигать идеи суверенного права стран на определение собственной модели развития, ценностей и структур безопасности. Важное значение в этом процессе приобрели такие инициативы, как формулирование концепта «Сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体), идеология «открытых и инклюзивных» многосторонних отношений, критика односторонности санкционного давления и претензий Запада на уникальность своей модели, а также разработка собственных систем стандартов (например, в экономике — буквальная дискурсивная борьба за термины и практики, от юаня в мировых расчетах до стандартов 5G).

Стратегия и инструменты укрепления международной дискурсивной силы Китая

Практика Китая по наращиванию собственной дискурсивной силы многогранна и системна. В решении этой задачи используются политические, дипломатические, информационные, культурные, экономические и академические инструменты. Ниже я рассмотрю основные направления и проявления этой деятельности^[3].

1. Реформирование институтов глобального управления

КНР целенаправленно работает на то, чтобы усилить свой голос и институциональное влияние в органах мирового управления — ООН, ВТО, МВФ, Всемирном банке, Международной организации гражданской авиации, организации стандартизации. Примером стало успешное лоббирование повышения квоты голоса Китая в МВФ и Всемирном банке, а также участие в создании новых институтов — таких, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB), Новый Банк Развития БРИКС, где роль Пекина выше, чем в традиционных западных финансовых структурах.

Ввод в глобальный оборот новых нормативов и терминов (например, «новый тип международных отношений», «общая безопасность», «зеленое развитие», «инклюзивная глобализация» и др.) позволяет выстраивать альтернативные идеологические

параметризации, которые притягивают страны Глобального Юга ^[4].

2. Создание собственных международных площадок и форматов

Китай усиливает собственные международные позиции через организацию саммитов и форумов на своей территории. Примеры — Беооский Азиатский форум, саммиты ШОС, БРИКС, двусторонние и многосторонние встречи по региональным вопросам, форумы по «Один пояс — один путь». На этих платформах дискурс формируется под реальным влиянием КНР, и многие формулировки по итогам принимаемых документов носят специфически китайский характер.

3. Мягкая сила и публичная дипломатия

Активно развиваются сети Институтов Конфуция по всему миру, расширяется присутствие китайских СМИ (CCTV, CGTN, China Daily, Xinhua) на разных континентах и языках, содействуется международное продвижение китайской культуры и традиций. КНР инвестирует в совместные кино- и телепроизводства, фестивали, образовательные обмены, программы стипендий для иностранных студентов. Все это способствует формированию позитивного образа Китая, который противопоставляется враждебным или критическим нарративам западных медиа ^[5].

4. Активная проектная дипломатия и новые инициативы

«Один пояс — один путь» стал не просто экономическим проектом, но и инструментом формирования благоприятной внешней среды для китайского развития, продвижения собственной парадигмы развития и кооперации. В международных документах все чаще фигурирует лексика, указывающая на китайские идеи взаимной выгоды, коллективной безопасности, инклюзивности.

5. Борьба за информационное влияние

КНР участвует в борьбе за интерпретацию произошедших событий на мировой арене — от конфликтов и эпидемий, до климатических соглашений и инвестиционных скандалов. В частности, после начала пандемии COVID-19 КНР провела широкомасштабную коммуникационную кампанию, защищая свой имидж, формируя информационную повестку о «мировой солидарности», вложениях Китая в глобальные поставки вакцин и гуманитарную помощь.

6. Усиление академической и теоретической дискурсивной силы

Серьёзные усилия тратятся на развитие собственной школы теорий международных отношений, перевод и публикацию научных работ, создание международных учебных сортаментов, а теперь — на публичное продвижение «китайских нарративов» (China stories) ^[6].

Китайская дипломатия и эволюция дискурса на примерах

Для иллюстрации механизмов и масштабов продвижения китайских нарративов целесообразно рассмотреть, как дискурсивная сила КНР проявляет себя в решении крупных международных проблем и конфликтов ^[7].

1. Иранская ядерная проблема

В важнейшем процессе заключения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, 2015) по иранской ядерной программе роль Китая была принципиальна. КНР

выступил не только посредником, но и аргументировал собственный нарратив урегулирования — идею коллективной безопасности, недопустимости монополизации права на санкции, акцент на уважении суверенитета всех участников. В китайском дипломатическом дискурсе Иран представлялся как легитимный партнер, а не угроза глобальной стабильности (в противоположность риторике США); уклон делался на создание условий для «win-win» решения. После выхода США из СВПД Китай продолжил призывать соблюдать условия соглашения и воплощать логику многосторонности, что усилило легитимность Китая как сторонника рационального, а не конфронтационного порядка.

2. Проблема Корейского полуострова

В переговорах по ядерному разоружению КНДР китайская дипломатия последовательно утверждает тезис о незыблемости безопасности и суверенитета всех сторон. В отличие от прямолинейных призывов США к «максимальному давлению», КНР выстраивает политику «двойного замораживания» (заморозки ядерных и ракетных испытаний КНДР при одновременной приостановке масштабных военных учений США и Южной Кореи) и «поэтапного продвижения на базе взаимности». Китай не только участвует во всех многосторонних форматах (шестисторонние переговоры), но и артикулирует нормы уважения, кооперации, постепенного сближения, акцентирует необходимость учета гуманитарных аспектов. Помимо этого, Пекин выступает инициатором собственной повестки — примером такого выступления стало предложение рассматривать разоружение и экономическую модернизацию КНДР как единый процесс. Этот подход получает поддержку на значительной части мировой арены^[8].

3. Спор в Южно-Китайском море

Южно-Китайское море стало ареной не только военного и экономического, но и дискурсивного противоборства. Китай утвердил собственную концепцию «исконных прав» на акваторию, нарратив о том, что «острова и рифы Южно-Китайского моря исторически принадлежат Китаю», о принципиальной недопустимости интернационализации вопроса и вмешательства «внерегиональных сил». В арсенале КНР — апелляция к историческим картам и документам, форсированное распространение «китайской версии» истории среди своих граждан и в странах-партнёрах, манипулирование юридическими прецедентами (игнорирование и оспаривание решений третейского суда в Гааге, 2016), создание картографических и цифровых продуктов, и даже массированные коммуникационные кампании.

В качестве контрмеры западным попыткам представить КНР в роли «ревизионистской угрозы» Китай предлагает нарратив «двойного выигрыша», многовекторного развития, мира и процветания, выступая за «совместное развитие спорных районов, консенсус и мирный диалог». Эта стратегия привлекает лояльность некоторых стран ЮВА (например, Камбоджи, части Лаоса), а также позволяет формировать «китайский угол зрения» в региональных организациях, таких как АСЕАН^[9].

4. Международные медиа и борьба за нарратив

Расширение англоязычных и других иностранных редакций китайских государственных СМИ позволяет КНР напрямую доносить свои взгляды на международную аудиторию, контрбалансируя англосаксонское медийное доминирование. Причём, КНР активно занимается подготовкой адекватных спикеров, ведет информационную работу через дипмиссии, инвестиции в партнерские медиапроекты и развитие цифровых платформ^[10].

Параллельно развиваются и механизмы работы с большими данными, кибербезопасность, стандартами интернета; КНР активно выдвигает предложения по международному регулированию цифровых платформ. Это ведёт к формированию собственной «информационной экосистемы» и укреплению цифрового суверенитета, что само по себе есть проявление новой формы дискурсивной силы.

5. Рефлексия: вызовы и противоречия

Несмотря на подчеркнутые усилия и целые успехи, Китай сталкивается с множеством трудностей. Во-первых, сохраняется недоверие к китайскому дискурсу в ряде западных и региональных обществ. Запад часто обвиняет Пекин в авторитарности, экспансионизме, использовании экономического давления и угрозе демократии. Внимательно отслеживается любая попытка «институционализации» китайских практик или навязывания китайских стандартов, усиливается цензурный контроль и «обратная реакция» (decoupling, ограничение сотрудничества, санкции)^[11].

Еще одной проблемой является ограниченность «мягкой силы» — культура, язык, образ жизни Китая пока недостаточно универсализированы для превращения в широкопризнанную глобальную привлекательность. Некоторые страны опасаются ассимиляции или культурного экспансии^[12]. Также существенным препятствием являются внутренние структурные проблемы — от цензуры СМИ до отсутствия прозрачности некоторых институтов, что бросает тень на имидж страны как «ответственного великого государства»^[13].

Тем не менее, Китай постепенно формирует «альтернативное ядро» поддержки — среди стран Азии, Африки, Латинской Америки, в некоторых странах Европы; более того, его инициативы всё чаще приобретают позитивную реакцию на кризисах нерезультативности западных институтов (например, слабость G7 в строительстве новой финансовой архитектуры, неспособность Запада справиться с пандемией, ограниченность санкционной политики и др.).

Заключение

За два последних десятилетия Китай совершил качественный рывок не только в экономической и военной, но и в дискурсивной сфере. Важным итогом стало институциональное оформление понятия «международной дискурсивной силы» и включение его в перечень приоритетных государственных задач, что выразилось в доктринах КПК, стратегических документах и внешнеполитической деятельности^[14]. Последовательно усиливая свои позиции через реформу систем глобального управления, создание международных институтов с китайским влиянием, продвигая собственные инициативы, стандарты и нарративы, КНР постепенно становится не только воспринимаемым экономическим и геополитическим центром силы, но и альтернативным источником дискурсивных проектов и ценностных предложений для мировой общественности^[15].

Вопрос о конечном успехе этой стратегии остаётся открытым, ибо результативность дискурсивного влияния определяется как мощью идей, так и легитимацией в глазах других государств и обществ. По мере обострения великодержавного соперничества и формирования новых блоков, дискурсивная борьба становится неотъемлемой частью борьбы за порядок XXI века. Китай демонстрирует готовность к долгой, многоуровневой работе по формированию новых стандартов, парадигм, институтов и стилей коммуникации, что делает его одним из главных претендентов на лидерство в

пространстве глобальных нарративов современности.

Библиография

1. Лексютина Я. Китайский трансфер: от мягкой культурной силы к дискурсивной / Я. Лексютина // Валдай. – 2023. – 15 февр. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskiy-transfer/>
2. Денисов И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / И. Денисов, И. Зуенко. – Москва, 2022. – 22 с.
3. 张志洲. 新冠疫情下的中国“话语处境” // 中央社会主义学院学报. – 2020. – № 5. – С. 52-58. [Чжан Чжичжоу. "Дискурсивная ситуация" Китая и построение международной дискурсивной силы в условиях эпидемии COVID-19 / Чжан Чжичжоу // Журнал Центральной академии социализма. – 2020. – № 5. – С. 52-58].
4. Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям / Е. Н. Грачиков. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 304 с. – EDN GIYLRK.
5. 陶东风、金元浦. 从碎片走向建设-中国当代审美文化二人谈 // 文艺研究. – 1994. – № 5. – С. 13-20 [Тао Дунфэн. От фрагментации к конструкции – два разговора о современной китайской эстетической культуре / Тао Дунфэн, Цзинь Юаньпу // Литературоведение. – 1994. – № 5. – С. 13-20].
6. 阮建平. 话语权与国际秩序的建构 // 现代国际关系. – 2003. – № 5. – С. 31-38, 59. [Жуань Цзяньпин. Дискурсивная сила и построение международного порядка / Жуань Цзяньпин // Современные международные отношения. – 2003. – № 5. – С. 31-38, 59].
7. 张新平, 庄宏涛. 中国国际话语权: 历程 // 南开学报(哲学社会科学版). – 2017. – № 6. – С. 1-10. [Чжан Синьпин, Чжуан Хунтао. Международная дискурсивная сила Китая: история, проблемы и стратегии совершенствования / Чжан Синьпин, Чжуан Хунтао // Журнал Нанкайского университета (издание по философии и общественным наукам). – 2017. – № 6. – С. 1-10].
8. 赵蓉英, 王旭, 余波, 李丹阳, 李新来. 中国话语权的评价科学研究框架构建 // 图书与情报. – 2009. – № 4. – С. 122-131 [Создание основы научных исследований для оценки дискурсивной силы Китая / Чжао Жунъин, Ван Сюй, Юй Бо, Ли Даньян, Ли Синьлай. – DOI: 10.11968/tsyqb.1003-6938.2019069 // Библиотека и информация. – 2009. – № 4. – С. 122-131].
9. 王啸. 国际话语权与中国国际形象的塑造 // 国际关系学院学报. – 2010. – № 6. – С. 58-65. [Ван Сяо. Международная дискурсивная сила и формирование международного имиджа Китая / Ван Сяо // Вестник Института международных отношений. – 2010. – № 6. – С. 58-65].
10. 江时学. 论中国的国际话语、话语权及话语力 // 国际关系研究. – 2023. – № 3. – С. 3-19. [Цзянь Шисюэ. О международном дискурсе Китая, праве голоса и власти дискурса / Цзянь Шисюэ // Изучение международных отношений. – 2023. – № 3. – С. 3-19].
11. 徐秀军、田旭. 全球治理时代小国构建国际话语权的逻辑-以太平洋岛国为例 // 当代亚太. – 2019. – № 2. – С. 95-125. [Сюй Сюцзюнь, Тянь Сюй. Логика малых государств в конструировании международной дискурсивной силы в эпоху глобального управления – на примере островных государств Тихого океана / Сюй Сюцзюнь, Тянь Сюй // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2019. – № 2. – С. 95-125].
12. 李朝祥, 韩璞庚. 国际话语权的三重维度和基本构成 // 学习与探索. – 2019. – № 5. – С. 14-18 [Ли Чаосян, Хань Пугэн. Три измерения и основные компоненты международной дискурсивной силы / Ли Чаосян, Хань Пугэн // Изучение и исследование. – 2019. – № 5. – С. 14-18].
13. 孙吉胜. 中国国际话语权的塑造与提升路径-以党的十八大以来的中国外交实践为例 // 世界经济与政治. – 2019. – № 3. – С. 19-43 [Сунь Цзишэн. Путь формирования и укрепления международной дискурсивной силы Китая – на примере дипломатической практики Китая после XVIII съезда партии / Сунь Цзишэн // Мировая экономика и политика. – 2019. – №

3. – С. 19-43].

14. 徐国亮. 提升中国国际话语权的深刻意蕴与重要意义 // 人民论坛. – 2021. – № 31. – С. 12-16 [Сюй Голян. Глубокие последствия и важность усиления международной дискурсивной силы Китая / Сюй Голян // Народный форум. – 2021. – № 31. – С. 12-16].

15. 杨洁勉. 中国特色大国外交和话语权的使命与挑战 // 国际研究. – 2016. – № 6. – С. 38-55 [Ян Цземьянь. Миссия и задачи великодержавной дипломатии и дискурсивная сила с китайской спецификой / Ян Цземьянь // Международные исследования. – 2016. – № 6. – С. 38-55].

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на стыке теории международных отношений и дискурсивного анализа политического образа КНР в современной мировой системе. Автор берет за основу концепт международной дискурсивной силы как способности формировать благоприятную для государства среду и создавать определенный образ, несущий в себе установки, ценности и стандарты. В случае с Китаем подобный "дискурс" и образ или нарратив им продвигаемый стремится противодействовать западной гегемонии, так называемому образу "коллективного Запада". В отношении актуальности избранной тематики сомнений нет, поскольку на международной арене действительно выделяются ключевые игроки, которые стремятся распространить свое влияние далеко за пределы континентов, на которых они располагаются (речь про безусловных лидеров - США и Европу, Россию, Китай, Индию, а также некоторые союзы и блоки). Подтверждением данного тезиса является устремленность ключевых игроков распространить свои технологии в таких регионах как Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка. Автор статьи проводит ретроспективный анализ становления международной дискурсивной силы КНР, подчеркивая ее многогранность и системность. При помощи ключевых международных кейсов подчеркивается набор инструментов, которые помогают Китаю продвигать свои нарративы: медиа, дипломатическая деятельность, экономика, международные площадки и форматы и др. Представленная статья достаточно хорошо структурирована и компактна, она содержит ключевые положения, которые подтверждают выдвигаемый автором тезис об укреплении международного дискурса и его полифункциональности. Вместе с тем, важно отметить, что автор не уделяет должное внимание описанию научной новизны предпринятого им исследования, а также не вводит альтернативные точки зрения и концепции, которые могли бы с критических позиций переосмыслить само понятие международной дискурсивной силы.

Тем не менее, можно предположить, что определенные элементы научной новизны содержатся в комплексном подходе к анализу дискурсивной силы Китая как целенаправленной государственной стратегии, эволюционировавшей от концепции «мягкой силы» к системному проекту по созданию альтернативных западным норм, понятий и институтов.

Методология исследования, сочетающая историко-политический анализ генезиса концепта с детальным разбором кейсов (иранская ядерная программа, спор в Южно-

Китайском море и др.), позволяет наглядно продемонстрировать, как теоретические установки воплощаются в дипломатической практике. Что касается апелляции к оппонентам, то автор, безусловно, признает существующие вызовы и противоречия в разделе, посвященном рефлексии, однако для усиления полемичности и академической глубины статьи было бы продуктивно прямо включить в дискуссию критические аргументы, например, о «дефиците доверия» к китайскому дискурсу из-за цензуры или о том, насколько продвигаемые КНР концепции в действительности инклюзивны, а не являются инструментом для легитимации собственной геополитической экспансии.

Библиографическая основа работы представляется релевантной и отражающей современные научные дискуссии, опирается на широкий круг источников, включая работы китайских и российских авторов. В целом, выводы статьи являются обоснованными и представляют значительный интерес для читательской аудитории журнала «Международные отношения», поскольку предлагают системное видение одной из ключевых тенденций трансформации современного мирового порядка - борьбы за дискурсивную гегемонию, в которой Китай позиционирует себя как одного из главных претендентов. Статья может быть рекомендована к публикации в текущем виде.